

Павел Бажов

За Советскую Правду

Павел Бажов

За Советскую Правду

«ФТМ»

Бажов П. П.

За Советскую Правду / П. П. Бажов — «ФТМ»,

ISBN 978-5-457-11048-9

«Партизанское движение в Сибири не раз освещалось в воспоминаниях участников и в художественной литературе. Это вполне понятно. Но мне кажется интересной и та полоса, когда движение еще не оформилось, но уже везде чувствовалось. Обманутое вначале сибирское крестьянство теперь приходило везде к одинаковому выводу: «Какой это порядок: четверть – пирует да торгует, остальные воют, либо без дела дома сидят». Ничего яркого, бьющего в глаза в этой полосе жизни, Сибири, но мелочи были настолько показательны, что я решаюсь дать маленький кусок тогдашнего быта, по рассказам непосредственных участников. Здесь нет выдумки. Иногда даже не изменены названия мест и действующих лиц. Оставшиеся в живых могут узнать себя. Время действия февраль-апрель 1919 года...»

ISBN 978-5-457-11048-9

© Бажов П. П.

© ФТМ

Содержание

Вместо предисловия	5
По линии	6
На волчьем положении	7
За теплом	8
«Самое спокойное место»	10
В полчаса	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Павел Бажов

За Советскую Правду

Вместо предисловия

Партизанское¹ движение в Сибири не раз освещалось в воспоминаниях участников и в художественной литературе. Это вполне понятно. Но мне кажется интересной и та полоса, когда движение еще не оформилось, но уже везде чувствовалось. Обманутое вначале сибирское крестьянство теперь приходило везде к одинаковому выводу: «Какой это порядок: четверть – пирует да торгует, остальные воюют, либо без дела дома сидят». Ничего яркого, бьющего в глаза в этой полосе жизни, Сибири, но мелочи были настолько показательны, что я решаюсь дать маленький кусок тогдашнего быта, по рассказам непосредственных участников.

Здесь нет выдумки. Иногда даже не изменены названия мест и действующих лиц. Оставшиеся в живых могут узнать себя.

Время действия февраль-апрель 1919 года.

¹ Автобиографическая повесть, написанная в 1924–1925 годах, рисует годы гражданской войны в Сибири, партизан сибирского урмана, подпольную работу большевиков в колчаковском тылу. Впервые опубликована издательством «Уралкнига» в 1926 году. Затем переиздана через 25 лет в книге ранних произведений П. Бажова, составленной и отредактированной самим автором – «Уральские были». Свердловское областное государственное издательство, 1951. Повесть «За советскую правду» по замыслу писателя должна была открывать цикл аналогичных книг воспоминаний о жизни горнозаводского Урала и Сибири в годы борьбы за советскую власть. «Таких книг, – говорил Бажов, – тридцать две штуки было намечено. После рассказа о жизни урмана хотел показать Алтай, как бились за прииск Аджар в 1920 году... Или вот еще деталь: горцы Кавказа – в чеканных поясах, папахах, кинжалах и прочее. А деревня Орловка – выше кавказских гор, жители в зипунах, овчинах, кашемировых кистях: партизанский отряд. И называются эти бабы и мужики – „полк горных орлов“. Пиши, не отрывая пера». (Запись беседы от 29 марта 1943 года. Из архива писателя.)

По линии

Шестеро на площадке товарного вагона – норма. Даже самые строгие охранники не придираются на остановках. Стоять приходится боком. Положение крайних опасное. «Бывает, что и спихнут». В середине и безопаснее и теплее. Только все-таки холодно.

Конец зимы, безветренно, а дышать больно. Зима девятнадцатого года, мягкая и снежная вначале, теперь прижала наглухо. Вторую неделю держатся морозы, лютые, упорно ровные, градусов на тридцать пять. Начинает казаться, что это тоже норма, как шестеро на площадке. Есть площадка – значит на ней должны стоять шестеро, которые угрузли в шубы, изредка переговариваются, замерзают и безнадежно смотрят на «сибирские просторы». Кроме телеграфных столбов, не на чем остановиться глазу. Ни одного пятнышка. Бело и ровно. Хоть бы кустик какой.

Через сорок верст остановки. Станционные постройки видны только крайним – на площадке. Поезд либо не доходит, либо далеко проходит мимо станции. Сходить нельзя – место потеряешь.

К остановке заранее готовятся. В проход и к буферам выставляют острые углы корзинок, сундучков. «Крайние» спускаются на последнюю ступеньку. Дикая возня, матерщина, просьбы, женские слезы: «Мне бы только перегон!» Все пущено в ход при первой атаке на вагон. Получив должный отпор, осаждающие переходят к «дипломатическим» переговорам, сначала у вагонов, потом у площадок.

– Может, братцы, кому недалеко? Потеснились бы!

– Видишь – шестеро.

– Выпили бы по стекляшке. Пользительно на морозе...

Из-за пазухи достается самый действительный железнодорожный билет колчаковского времени – бутылка с красной головкой. Прозрачная жидкость искрится на солнце. Руки стоящих на площадке, как по команде, вытирают усы. У каждого в голове одно: «Глотнуть бы: – сразу теплее станет». Один из спекулянтов равнодушным тоном осведомляется:

– Тебе докудова?

– До Новь-Николаевска только...

– А до его сутки, – вздыхает спекулянт.

– На ступеньку, может, пустим? – спрашивает другой.

– Нельзя. Охрана всех снимет. Скажет – беспорядок.

– Как же, братцы, не выйдет, знать, дело? – спрашивает еще раз человек с бутылкой и прячет ее за пазуху.

– Возьми керенку.

– Не. Непродажная.

– Две возьмешь?

«Дипломат» резко мотает длинными ушами заячьей шапки и направляется к вокзалу.

Крики и беготня стихли. Все забились в вокзал, в тепло. Поезд будет стоять не один час. Но пассажиру-одиночке сбегать погреться нельзя. Вещи вышвырнут, место продадут. За бутылку, за две.

Надо держаться, пока можешь.

Холодно...

И куда это только едут?

На волчьем положении

Маленький бритый человек в синих очках притулился в середине площадки, между двумя мордастыми спекулянтами. Поверх городской шубейки надет огромный, с чужого плеча, бараний тулуп с «саксачьим» воротником. «Семифунтовые казанские с крапинками» надежно защищают ноги от холода. Теплая на меховой подкладке шапка-ушанка. А все-таки, видно, перемерз. Кашляет. Надрывно, подолгу, до холодного поту. Беспокойно возится. Руки тянутся к пояснице, где расплзлась окопная язва.

Высокий спекулянт в дохе из дикого козла ворчит:

– Умирать которым пора, а тоже за товаром ползут.

Рыжебородый толстяк, стоящий вторым с краю площадки, поддерживает своего приятеля:

– Вон у меня тоже сидит какой-то... Не шевелится. Замерз, поди, а место занимает.

– Столкнуть когда, – отзывается козья доха.

– Само собой. Куда мерзляков возить. Только я это к тому... Бутылку давеча упустили...

Бритого человека мучительно бьет кашель. Жгуче саднит поясница и плечи. В голове одна мысль – попасть в тепло, в баню.

Куда ехать?

В кармане случайно купленный в Татарске у какого-то полузамерзшего неудачника-спекулянта билет до Иркутска. Но ехать туда незачем. Есть и другое удостоверение: на имя Кирибаева – торгового агента по закупке товаров для кооператива. Удостоверение хорошее. Напечатано на машинке. Номер, печать с двумя руками, три подписи. Только полагаться на него все-таки нельзя. Подписи плохо сделаны. Да и мало одного удостоверения. Опыт показал.

В Омске Кирибаев пытался с этим документом остановиться поискать своих, – так еле выбрался. Пришлось ехать дальше.

В Татарске не пустили ни в гостиницы, ни на постоянный двор. Из-за кашля: «Умрешь, а тут возись!» Дальше надо куда-то.

Совсем неожиданно показалось белое каменное здание вокзала. Отчетливо бросилась в глаза надпись: Барабинск. Ни одного замерзшего окна. Вот где погреться!

Скрючившийся на краю площадки человек, которого спекулянты считали уже мертвым, вдруг спрыгнул со ступеньки и как-то по-заячьи побежал мимо здания вокзала.

У площадки началась обычная битва.

«Попробую здесь», – решил Кирибаев и полез к выходу.

Сжали до боли в груди, но быстро выбросили на снег.

Теперь в тепло!

Задыхаясь от приступов кашля, Кирибаев побежал к вокзалу, который глазасто уставился на солнце.

В здании оказалось просторно, грязно и... холодно. Окна не замерзли потому, что с начала зимы вокзал не топили. Не было угля.

Железнодорожники пользовались будкой-водогрейкой, но туда попасть постороннему человеку было невозможно.

– Надо итти в город.

За теплом

Барабинск в сущности не город, а железнодорожный поселок. Расстояния пустяковые. Бани общественной нет. Гостиница одна. Две школы, три кооператива. Видимо, конкурировавшие тогда «маслоделы» – «Закупсбыт» – и «Сибсоюз».

– Чуть не дерутся за покупателя

– А гостиница – вон она. Из дробовика добыть можно. Полно там офицера.

Все это Кирибаев узнал от словоохотливого старичонки, который стоял у лошади, выжидая, чем кончится попытка его сына попасть в поезд.

Парню «помогали садиться» двое специально привезенных мужиков, но ничего все-таки не вышло.

– Пропал билет... язви их!

Подожли возбужденные, с матерками, перекурами. Двое «помогавших» стали надевать тулупы. Кирибаев зашагал к гостинице.

Низенькое, длинное, вымазанное глиной здание с обледеневшими окнами. Оборванная обивка двери. У входа желтые дыры в белом снегу.

Долго кашлял перед входом. Готовился, чтобы не отказали, как в Татарске. Потянул ручку. Обдало промозглым туманом плохо топленного помещения и пивным перегаром. Захватило в припадке кашля.

Выбежала старуха.

– Есть комната?

– Вам надолго?

– Не знаю, как придется.

– У нас на время больше берут. Двадцать рублей. За простыни особо. Постоянных жильцов не держим. С хозяином в случае поговорите...

В узкий просвет коридора видна спина в «американской форме».

Тренькает гитара. Визжит женщина. Пьяный мужской голос выводит:

За-ла-туую па-ставлю кра-а-вать...

Кирибаев сплюнул и хлопнул дверью. Старуха что-то кричит вслед. Куда итти?

«В маленьких домишках, пожалуй, пустят, только ведь подведешь. К доктору разве? Может быть, в больницу положат. Есть же какая-нибудь. А документы?»

На этой мысли Кирибаев махнул рукой и пошел к ближайшему дому. Из ворот как раз вышла женщина с ведрами.

Из разговора узнал, что в Барабинске искать ночлега и какой-нибудь квартиры безнадежно. Городишко переполнен.

– Да вы что? Езжайте до Каинска. Самое это спокойное место. Скоро первый поезд по ветке пойдет.

– А далеко?

– Недалечко же. Двенадцать верст. Поезд три раза в день ходит.

– Билет достать трудно?

– Да нет же! Сколько угодно. Вон дымок. Кирибаев взглянул по указанному направлению, побежал к вокзалу. Задышался, кашлял, а все-таки бежал. В вокзале на скамейках сидело человек пять. Все женщины. Спросил, где дают билеты на Каинск.

– Вон в то окошко.

Подозрительно посмотрел на пустой угол, но пошел туда. На листке бумаги синим карандашом: «Разменом не затруднять. Билет 30 копеек».

Почему только никого нет? Никакой очереди?

Визгливо просвистел паровоз. Пришел поезд. По вокзалу прошла толпа. Больше офицеры и женщины с корзинами.

– Катерина, много вчера добыла?

– Семь бутылок. Не хватило больше. По четырнадцать рубликов теперь.

– Вот так здорово! Почем продавать-то? Очередь большая?

– До собору была. Шесть часов выстояла.

Оставшиеся в вокзале женщины судят о повышении цены. Оказывается, они ездят в Каинск за водкой.

«Из притона, значит, в кабак попаду», – думает Кирибаев.

В вокзале уже десятка три людей.

Высокий офицер в модной по той зиме белой шапке с длинными наушниками набросился на торговку:

– Ты мне вчера какую водку послала? Сука!

– Обыкновенно какую. За печатью.

– Сама припечатала?

– Да вот те Христос, ваше благородие, цельная была...

– Была, да давно, как ты же, – острит офицер. Потом переходит на свирепый тон. – Вот тебе, сволочь, последний сказ. Разведешь – такие на задку печати наставлю – век не забудешь.

У кассы начинают «трудиться».

В длинном бараньем тулупе прошел кассир, без задержки открыл окошечко, крикнул:

– Ну, кому? Подходи скорей! Деньги сразу готовь, сдачи не буду давать. Холодно.

Кирибаев подал тридцать копеек, получил билет и все еще не веря, что так легко и просто, вышел на платформу.

Состав – четыре классных вагона и маленький паровозик.

Вошел в ближайший вагон. Никого. Сел к окну на скамейку, подложил под локоть дорожный мешок.

Тепло... Вот где выспаться!

Мешает кашель и зуд. С трудом стаскивает с себя верхний тулуп, ожесточенно скоблит поясницу и плечи.

Вагон наполняется. Проверяют билеты. Сидеть свободно. Никто не покушается на занятую Кирибаевым скамейку, и он моментально засыпает, закрывшись тулупом.

Кажется, прошло не больше минуты, а уже трясут за плечо – выходить.

Эх, если б можно было остаться в теплом вагоне и ездить взад и вперед, пока не выспишься...

Но нет. Надо продолжать поиски.

Кирибаев с остервенением скоблится и начинает надевать верхний тулуп.

Еле выбрался из опустевшего вагона. Ноги после передышки совсем отказались служить. Сказались площадка и голодовка.

В маленьком вокзальном здании опять офицеры и женщины с корзинами бутылок.

Извозчиков много. Кричат:

– Пожалуйста, купец. За три рублика довезу. Цена непривычно дешевая по тому времени. Это действительно угол, где можно отлежаться, полечиться.

– Только вот своих здесь едва ли найдешь.

«Самое спокойное место»

На площади, в стороне от вокзала, учатся солдаты. По улицам их тоже немало. Часто проходят офицеры.

– Вам куда? – спрашивает извозчик.

– Да где подешевле. На постоянный какой-нибудь.

– К Киличеву свезу. У них купцы останавливаются, – решает извозчик и поворачивает на улицу к Оми. Низенький дом на пять окон, просторный двор. В кухне за чаем парятся пятеро крестьян. Две пустых бутылки показывают, что языки развязались основательно.

– Ты думаешь в том сила, чтоб до краю давить? Нет, брат, с пупа сорвешь.

При входе постороннего – настораживаются, переходят на пустой разговор:

– Ладно, не ершишь! Выпьем вот остатнее, и запрягать пора.

– Развоевались у бутылки-то!

Старуха хозяйка в коричневом платке выглядывает от печки на кашель Кирибаева.

Увидев городского человека с дорожным мешком, она бросает предупреждающий взгляд в сторону сидящих за столом и поспешно открывает дверку направо от входа.

– В горенку проходите. Там спокойнее будет. Кирибаев спрашивает о цене. Старуха с приговорками, что теперь все дорого, назначает рубль за сутки.

– Два самовара ставлю. Которым и обедстряпаю. Тут уж сколько пожалуют. По рублю тоже больше платят.

После железнодорожной линии это кажется до смешного мало. В голове мелькает мысль: «Пожалуй, здесь на месяц хватит прожить».

Хозяйка уходит ставить самовар. Плотно закрывает двери.

В комнате тепло. В простенках столики, накрытые вязаными скатертями. Около печи узкий, обитый клеенкой диван. Божества навешано через число. Из угла иконы повылезли в стороны и перешли в картины, тоже с божественным отливом: «Житейское море» «Афон-гора» и т. п.

Кирибаев разделся, стащил с ног валенки. Даже острые приступы кашля не могут заглушить животной радости тепла и освобождения от тяжелой одежды.

В кухне толкуются. Видимо, собираются к отъезду. Слышатся отдельные выкрики, обрывки фраз.

Хозяйка приносит тарелку с хлебом, молоко, два блюда с помакухой.²

Хочется есть, но надо держать фасон – дожидаться самовара.

Ждать кажется долго. Проглотил один кусок, по-волчьи, не разжевывая. Только разма- нило.

Старуха притащила самовар.

– У вас, поди, свой чай будет? Сами-то мы кирпичный пьем. И того скоро не будет.

– Ничего, бабушка, какой есть. Я ведь налегке, провизии не вожу с собой.

– А вы откуда будете?

Затевается обычный разговор. Кирибаеву он нужен, чтобы определить положение.

Рассказывает, что ехал по кооперативным делам в Иркутск, да вот простудился и хочет отдохнуть и полечиться.

Старуха сочувственно кивает головой.

– У нас здесь подешевле. В Барабинске вон дорожишь, сказывают. Только вот беспокоят сильно. Каждый вечер обход. Чуть что, – сейчас забирают.

– Кого забирают?

² Разведенная в сметане черемуховая мука.

– Да кто их знает. На той неделе вон у меня Сулова Иван Максимыча увели. Бумажку из волости потерял. Ну, и взяли. Мужик-то известный. За двадцать верст живет, мельницу содержит. Три дня просидел. Председатель приезжал из волости. Тогда уж выпустили. Мне за лошадьми ходить – дело несвышное, да и годы не те. А сноха-то у меня не туда смотрит. Все ей гули-погули. Даром, что муж тоже сидит...

Старуха переходит на шепот:

– Сына у меня, Александра, тоже взяли. Сидит теперь. Не пускают к ему. Он, говорят, контрразведка. Нельзя.

Шепот прерывается всхлипываниями.

– Второй уж месяц. А какой он контрразведка, коли чуть жив. Пришел из Германской, газами его отравили. Кашляет, что твое же дело. Постоянно. И харчок с кровью. Прямо сказать, – не жилец, а его в тюрьму...

– Строго, однако, у вас.

– Просто беда. Замаяли чисто. Вот вечером придут – сам увидишь.

Спохватилась, не сказала ли лишку.

– У вас бумаги-то есть?

– Это уж не беспокойся, бабушка. С линии приехал. Без бумаги там не проедешь.

Сильно хлопнула входная дверь. Старуха поспешно вышла.

Началась перебранка. Хриплый женский голос выкрикивал на слова старухи:

– Ежели он сидит, так мне всю жизнь плакать?

– Много их, большевиков-то, слез не хватит.

– Кого стыдиться? Не украла – своим торгую. Людям глянется.

Совсем, видно, оголтелая баба.

В полчаса

Против постоянного – большой каменный дом. Видимо, какого-нибудь купца. Над воротами вывеска, которую раньше не заметил: «Каинская уездная земская управа».

Из ворот выходят крестьяне. Небольшими группами, человек по пять-шесть. Одна группа задержалась в воротах. Раскуривают.

Кирибаев переходит дорогу.

– Что много народу плывет?

– Собрания тут была.

– Насчет чего?

– Да обо всем. О школах сейчас шумаркались.

– Денег, поди, нет?

– Это нашли бы. Учителя нет. Половина школ без дела.

– Ребята баклуши бьют, а им хоть бы что! – оживленно откликается один крестьянин.

– Выбирали, так что сулили! У нас школы первым делом. Нарошно двух учителей посадили в управу.

– Не выходит, значит, у них дело? – замечает одетый хуже других высокий мужик.

– Про кого это говоришь? – злобно набрасывается на него старик, не проронивший до этого ни одного слова.

– На ту, видно, сторону гнешь!

– Никуда не гну. Говорю, не выходит дело, и вся.

– Ребят-то у тебя раньше учили? Лучше, по-твоему, было при той власти?

– Да не к тому я. Чего присыкаешься. К слову пришлось.

Старик поворачивает вправо от ворот и бурчит:

– Как чирей на язык – слова-то у них! Посадить вот сукина сына.

– Садилы которые! Поди, донеси! Похвалят на старости лет. Медаль дадут. Мне вон дали... за японску. Потом, обращаясь к другим, прибавляет:

– По бокам надпись: «Вознесет тебя господь в свое время». Ловко?

– Чистохвалы, известно, – неохотно соглашается один. Остальные молчат.

Кирибаев жадно прислушивается.

Делает выводы:

«Есть, значит, свои по деревням. Туда надо. Нельзя ли учителем заделаться?»

В коридоре управы поймал председателя. Бойкий, подвижной человек кооперативно-учительского вида. Небрежно слушает кирибаевский рассказ о причинах остановки.

Вертит в руках «документ» Кирибаева и быстро заключает:

– Пустяки. Видно, что интеллигентный человек. Идите в отдел. Там выберите место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.